

Научно-теоретическая статья

УДК 1(091)141

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.1

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ТЕРМИНА «КОСМИЗМ» В РОССИЙСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ЗНАНИИ

В. М. Мапельман

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

MapelmanVM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Аннотация. Термин «космизм» в настоящее время представляет собой условное обозначение традиции, которая получила широкое распространение в отечественной философии. В статье рассматриваются причины появления данного понятия, анализируются его базовые терминологические версии, первоначальные содержательные особенности, обсуждаются вопросы потребности в нем философского знания, обстоятельства, приведшие к разнообразию трактовок. Особое внимание уделяется содержащейся в нем идее одушевленности всей Вселенной, ее пронизанности жизнью, а в связи с этим неизбежности расселения человека за пределы нашей планеты, что должно сконцентрировать внимание на решении задачи перспектив развития цивилизации, которая потребовала в начале XX века своего закрепления специальным термином. Оценивается вклад представителей русской философии и современных сторонников русского космизма, а также исследований филологов по введению термина «космизм» в научный и лингвистический оборот. Специально рассматривается интерпретация понятия «космизм» в работе Анатолия Васильевича Луначарского «Религия и социализм» (первое упоминание термина «космизм» среди установленных источников его использования). Квалифицируются принципиальные различия двух подходов к мироописанию в античной философии (базовой для космистов), закрепленных впоследствии в терминах «антропоцентризм» и «космизм». Оценивается степень успешности и убедительности попыток в дальнейшем их сблизить и даже объединить. Прослеживается путь преобразования содержательного наполнения термина «космизм» от предельно консервативного к динамично поступательному.

Ключевые слова: космизм, русский космизм, европейский космизм, космос, антропоцентризм, космоцентризм, космическая философия, философия космизма

Для цитирования: Мапельман В. М. Содержательные метаморфозы термина «космизм» в российском философском знании // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 1 (45). С. 8–20. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.1

Scientific and theoretical article

UDC 1(091)141

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.1

**MEANINGFUL METAMORPHOSES
OF THE TERM «COSMISM»
IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE**

Valentina M. Mapelman

Moscow City University,

Moscow, Russia,

MapelmanVM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Abstract. The term «cosmism» is currently a conventional designation of a tradition that has become widespread in modern Russian philosophy. The article discusses the reasons for the appearance of this concept, analyzes its basic terminological versions, initial content features, discusses the need for philosophical knowledge in it, the circumstances that led to a variety of interpretations. Particular attention is paid to the idea contained in it of the animateness of the entire Universe, its permeation with life, and in this regard, the inevitability of human settlement outside our planet, which should focus attention on solving the problem of the prospects for the development of civilization, which required its consolidation with a special term at the beginning of the twentieth century. Russian philosophers and modern proponents of Russian cosmism, as well as philologists' research on the introduction of the term «cosmism» into scientific and linguistic circulation are evaluated. The interpretation of the concept of «cosmism» in the work of Anatoly Vasilyevich Lunacharsky «Religion and Socialism» is specially considered (the first mention of the term «cosmism» among the established sources of its use). The fundamental differences between the two approaches to the description of the world in ancient philosophy (the basic one for cosmists), which were subsequently fixed in terms of «anthropocentrism» and «cosmism», are qualified. The degree of success and persuasiveness of attempts to bring them closer together and even unite them is assessed. The way of transformation of the content of the term «cosmism» from extremely conservative to dynamically progressive is traced.

Keywords: cosmism, Russian cosmism, European cosmism, cosmos, anthropocentrism, cosmocentrism, cosmic philosophy, philosophy of cosmism

For citation: Mapelman, V. M. (2023). Meaningful metamorphoses of the term «cosmism» in Russian philosophical knowledge. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1(45), 8–20. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.45.1.1>

Введение

Космизм, претендующий в наши дни на признание в качестве самостоятельного философского направления, получил широкое распространение не только как оригинальный объект исследования, но и как популярная ссылка или своеобразный термин. Однако отношение к нему (и как к термину, и как к направлению) у научного и философского сообщества довольно неоднозначное. Более того, разговор о космизме, как правило, тесно сочетается с трактовкой такого понятия, как «космос», точнее, с его историческими, научными и авторскими интерпретациями.

Вообще в истории философии первые упоминания понятия «космос» (*др.-греч.* κόσμος — универсальная гармония, всеобщий порядок) связывают с именем Пифагора. Однако с VI века до н. э. и до наших дней смысл понятия «космос» прошел путь от «мира, мыслимого как упорядоченное единство» [*Краткая философская энциклопедия*, 1994, с. 224] до «физического пространства, простирающегося за пределами земной атмосферы, со всеми присутствующими в нем объектами» [*Словарь иностранных слов*, 1988, с. 257]. И если вначале своего использования этот термин фиксировал универсальный (природно-социально-эстетический) безупречный идеал гармонично согласованного материально-духовного бытия, то в наши дни он чаще всего сосредоточен на физически (астрономически) воспринимаемой Вселенной и ее естественных составляющих. В словосочетаниях типа «космическое пространство», «космический разум», «жизнь в космосе», «мир космоса» и им подобных подспудно присутствует именно этот смысл [Павленко, 1997].

Однако сосредоточимся на термине «космизм». В наши дни в число представителей данного мировоззренческого (философского) направления нередко пытаются включить каждого, кто в своих теоретических изысканиях, не ограничивая их физическими и/или техническими вопросами, использует понятие «космос». Подобная операция напоминает категоричные заключения, встречающиеся во многих современных исследованиях историко-философского характера, когда тех или иных ученых причисляют к религиозным мыслителям и называют истинно верующими людьми лишь на том основании, что в их теоретические построения включено понятие Бога, например Р. Декарта, Г. В. Лейбница, И. Ньютона и др.

Надо заметить, что в современных исследованиях, посвященных особенностям космизма, истории его становления и развития, вопрос о происхождении и укоренении самого термина «космизм» не затрагивается [Куракина, 1993; Замалеев, 1995; Хайруллин, 2003].

Результаты исследования

Появление нового термина в теоретическом знании всегда связано с серьезной ответственностью, так как в этом случае необходимо не только предложить

его звучание и дать определение, но и обосновать оригинальность процессов, явлений или их свойств, которые нуждаются в специальном обозначении, то есть его необходимость должна быть защищена аргументами. Без этого научное, в том числе и философское, сообщество едва ли воспримет новый термин.

Обратимся к правилам русского языка. Суффикс -изм в отечественной терминологии используется при следующих обстоятельствах: а) для обозначения общественных, политических, научных, религиозных учений или направлений (коммунизм, дарвинизм, платонизм, буддизм, царизм, эллинизм); б) для фиксации мотивирующего признака творчества или манеры поведения (артистизм, дилетантизм, кубизм, царизм, вандализм, терроризм); в) для обозначения ряда физических, психических и медико-биологических явлений или состояний (изоморфизм, идиотизм, алкоголизм).

Полагаем, что термин «космизм», попав сначала в научно-популярный лексикон в соответствии со вторым фактором и не утратив его признаков до наших дней, параллельно начал пробивать себе дорогу к иному научно-философскому содержательному значению, отмеченному в первом случае.

Наиболее полное по разнообразию интерпретаций определение космизма было дано В. В. Казютинским: «Космизм — психологический и мировоззренческий феномен, который находит проявление в различных сферах культуры...; глубинное переживание человека и космоса..., которое соответствует различным этапам культурной истории человечества. Под космизмом понимают: 1) специфическое мировоззрение или мировосприятие, связанное с осознанием единства всего со всем; 2) распространение космической точки зрения на человечество, его прошлое и будущее...; 3) мировоззренческую идею «активной эволюции» человека и мира, направляемой разумом...; 4) почти неуловимые смыслы внутреннего космоса человека (связанного с космосом физическим); 5) мировоззренческое оправдание самых антиэкологических и антигуманных черт современной цивилизации...» [Казютинский, 2003, с. 471]. Отталкиваясь от этой формулировки, можно сделать вывод, что определение сути получившего уже довольно широкое распространение понятия находится все еще в довольно зыбком состоянии.

Но когда и в связи с чем оно начало использоваться? Работы, связанные с прямыми или косвенными попытками найти ответы на эти вопросы, можно разделить по источникам информации на три группы: взгляды историков русской философии; мнения исследователей русского космизма; изыскания филологов.

В работах по истории русской философии до 70-х годов XX столетия этот термин не встречается. Однако уже к концу 80-х годов авторы работ по истории русской философии не просто активно используют термин «космизм», но и выделяют его как название особого направления. При этом трактовки понятия «космос» осуществляются ими либо в русле античных традиций, либо в рамках материалистических представлений XVIII–XIX веков

(например, в духе обобщенных естественно-научных воззрений А. Гумбольдта [Гумбольдт, 1862–1863]), либо в интерпретациях «первого» позитивизма XIX – начало XX века (например, у Г. Спенсера [Спенсер, 2013]).

В ходе плодотворной дискуссии на тему «Проблемы изучения истории русской философии и культуры», организованной весной 1988 года редакцией журнала «Вопросы философии», была отмечена все отчетливее проступающая тенденция. Так, в материале Л. А. Когана она была сформулирована следующим образом: «Русская философия неуклонно шла по линии слияния антропологической и космической тенденций в направлении к широкому антропокосмическому синтезу, к соединению истории природы и общества, их трансформации в единую, всеохватывающую историю Человека» [Коган, 1988, с. 105].

Однако квалифицировать это явление как неожиданное для русской философии едва ли оправдано. Традиция мудрствования (философствования) была глубоко укоренена в русской культуре, несмотря на то что становление собственно самобытной русской философии справедливо относят к XVIII веку. Если выделить основные особенности русской философской мысли, характерные для нее на протяжении всего существования от зарождения до системного состояния, то они свидетельствуют о неизбежности формирования такого явления, как космизм. Во-первых, это способность нести на себе отпечаток национального духа, типа мышления и мировосприятия. Во-вторых, обязательная потребность определиться в отношении религии, в частности православного христианства. В-третьих, сохранение баланса между восточным и западным стилями мышления. В-четвертых, связь с конкретными социально-политическими и экономическими событиями своей страны и народа. В-пятых, пропитанность философскими идеями всех видов этнического, художественного, публицистического, а со временем и научного творчества. В-шестых, взгляд на человека как на высшее творение природы и/или Бога и его встроенность во Вселенную (но не в космос). В-седьмых, присутствие в любых философских построениях нравственного элемента, нередко в качестве стержневого. В-восьмых, целостность, системность и всеобщность мироописания доступная лишь морально цельному человеку.

Все эти признаки характерны и для космизма, что позволило данное активно проявляющее себя рациональное оригинальное теоретическое построение квалифицировать в качестве *русского* космизма, «рассматривающего Вселенную и человека как единую систему со своей регуляцией (гомеостазином) и предполагающего разумное преобразование космоса» [Гальцева, 1970, с. 624]. При этом воспринятый историками русской философии термин «космизм» так и не стал для них предметом ни исторического, ни теоретического анализа.

Этого не осуществляли и исследователи ни самого русского космизма, ни творчества отдельных его представителей. Обсуждения сосредоточились в основном на выяснении четырех вопросов: когда возник русский космизм?

Можно ли назвать имя его основоположника? Кто первым запустил этот термин в философский оборот? Существуют ли варианты космизма, не связанные с культурой российского философствования?

Ответы на первые два вопроса формировались в русле двух подходов. Русский космизм — это либо коллективное несогласованное между собой творчество отдельных мыслителей на протяжении всей российской истории, либо оригинальная позиция, сложившаяся в период серебряного века развития русской культуры (конец XIX — начало XX века). В первом случае родоначальник не определяется, во втором — называют имя Николая Федоровича Федорова.

При этом не надо забывать, что стремление к созданию целостной картины мира стало очевидным не с появлением космизма. Оно является отличительным признаком любого философского знания, и едва ли для этого внезапно понадобилось введение дополнительного термина. А вот то, что со второй половины XIX века чрезвычайно интенсивно начинают развиваться и распространяться процессы глобализации в мире и продолжающая дифференцироваться наука не в состоянии их охватить (кроме как констатировать их наличие), является принципиальным обстоятельством. Очевидные практические успехи набирающего темпы научно-технического прогресса в различных сферах реального бытия стимулировали уверенность в возможности полного покорения человеком не только природы, но и подчинения ему всех социокультурных процессов. На нашей планете складывается «ноосфера — биосфера, переработанная научной мыслью, подготовлявшаяся шедшим сотнями миллионов, может быть миллиарды лет, процессом, создавшим *Homo sapiens faber* (разумный человек-творец. — В. М.)» [Вернадский, 1991, с. 40]. Только время пока еще оставалось недоступно воле и возможностям человека.

Русская философия, в сложившихся условиях, оказалась наиболее приспособленной к осмыслению проблем всеохватного, универсального, космического диапазона. Определение места и роли человека во Вселенной всегда было для нее одной из системообразующих задач. При этом необходимо иметь в виду, что идея достижения бессмертия (не только духовного, но и телесного) была характерна и для большинства религий, в том числе и для православного христианства. Попытки же связать ее воплощение с успехами и возможностями науки и техники прослеживаются начиная с эпохи Возрождения (например, в трудах алхимиков, Парацельса, А. Левенгука). Встречаются они и в более ранние периоды. А вот вопрос, является ли именно Н. Ф. Федоров первопродцом русского космизма, все еще остается дискуссионным?

Однако термином «космизм» и тем более термином «русский космизм» никто из тех, кого сейчас причисляют к его предшественникам и даже представителям, не пользовались [см.: *Русский космизм*, 1993; Гройс, 2015]. При этом значительное разнообразие творческих поисков и подходов к исследованию космизма позволило определенным образом его систематизировать. Например, предлагается подразделять космизм на такие разновидности, как теоантропокосмический, антропокосмический, эзотерический антропокосмизм,

космическая философия, эклектический космизм [Казютинский, 2003, с. 472], а русский космизм — на религиозно-философский, естественно-научный и поэтически-художественный [Гиренок, 1994, с. 168].

Нет единого мнения и по вопросу, кто же первым использовал термин «русский космизм». Называют Юлию Григорьевну Шишину, сотрудницу Александра Леонидовича Чижевского (без ссылок на источники), Ренату Александровну Гальцеву, Николая Константиновича Гаврюшина, Светлану Григорьевну Семенову, Федора Ивановича Гиренка [Огурцов, 2007; Римский, Филоненко, 2012]. При этом практически все исследователи русского космизма вполне допускают существование направлений аналогичных русскому космизму, но сформулированных зарубежными мыслителями.

Наконец за поиски первоприменения термина «космизм» взялись филологи. На основе анализа материалов авторитетных отечественных и зарубежных словарей был сделан вывод, что «первым философом, в терминосистему которого включен данный термин, является американский мыслитель Джон Фиске, написавший в 1874 году трактат *Outlines of Cosmic Philosophy* («Очерки космической философии». — *В. М.*). В онлайн-словаре компании Merriam-Webster лексема дефинируется как философия космоса, или космической эволюции, и представлена как авторский термин Джона Фиске. «История слова космизм в русском языке, согласно данным корпусов, началась позже 1874 года: первые письменные употребления относятся к началу XX века» [Козловская, 2020, с. 59]. Однако Фиске термин «космизм» не предлагал и не использовал, а словосочетание «философия космоса» едва ли можно считать синонимом «космической эволюции», и тем более «космизма». В конце XIX века Фиске было далеко не одиноко в разработке подобной проблематики. Так, в работе русского военного инженера Э. Неовиуса [Неовиус, 1876] «Величайшая задача нашего времени» не только сформулирована серьезная (математическая) мотивировка неизбежности в будущем космической экспансии человечества, но и возможности его контактов с инопланетными цивилизациями. При этом было предложено экономическое обоснование возможности реализации данного проекта и указано на важность разработки универсального языка для контактов с обитателями космоса. Однако Э. Неовиус тоже не пользуется термином «космизм».

Н. В. Козловская на основе серьезного специализированного лингвистического исследования установила, что первая письменная фиксация термина относится к 1904 году, но ее источник неясен. Самое раннее употребление термина «космизм» с указанием источника было обнаружено в работе А. В. Луначарского «Религия и социализм» [Луначарский, ч. 1, 1908; ч. 2, 1911]. Благодаря применению специализированных филологических методов (синтагматических и парадигматических) она приходит к заключению, что термин «космизм» к этому времени уже не является новым. Его можно квалифицировать как устоявшийся термин, как зрелое понятие, представляющее собой вариант терминологической оппозиции (антропологизм – космизм, антропоцентризм – космизм). Кроме того, употребление понятия «космизм» до 1930 года

осуществлялось лишь в литературоведческих и философских трудах, но не использовалось в естественно-научных. А с 1918 по 1921 год встречаются лишь две его интерпретации: в качестве поэтического мироощущения и пролетарского устремления. Как «лексическое новшество» он включается в толковые словари лишь с 1979 года: «Космизм — всеохватность, разносторонность, беспредельность (мироощущения), <...> порыв к всеобщему счастью, <...> восторг перед таким грандиозным (для наших дней) событием, как выход человека в околоземный космос» [*Новое в русской лексике...*, 1982, с. 119]. Первое упоминание в литературе о русском космизме, как было установлено, относится к 1949 году.

Однако обратимся к работе А. В. Луначарского, где термин «космизм» не просто упоминается вскользь, а имеет принципиальное значение. В отличие от современных трактовок, он не сосредоточен на положительных характеристиках и жестко не связан с перспективами развития земной цивилизации. По мнению Луначарского, «консервативные классы должны рано или поздно схватиться за космизм, чтобы противопоставить революционной воле человека труда — ссылку на непреложные законы; красоте идеала мощи, солидарности, справедливости — красоту вечного порядка; неутомимо деятельному духу — поэзию восторга и созерцательного самоотречения» [Луначарский, 1908, с. 139].

Анатолий Васильевич, опираясь на знания античной философии, трактует понятия «антропоцентризм» и «космизм» как противоположные (оба термина имеют древнегреческие корни). Первое — это признание человека сосредоточием Вселенной и главной целью всех совершающихся в мире событий. Второе — это предельный универсальный идеальный непорочный порядок и гармония мира, где все находится в процессе круговорота (возникновение, протекание, изменение), но ничего не выходит за эти пределы. Анализируя различные религиозные системы, он отмечает: «Грек обожал природу, <...> очеловечил природу, придал космическим божествам характер идеально-человеческих личностей. Тем самым он обожествил человека. И при том человека телесно-духовного, (который. — В. М.) боялся... болезни, смерти, несчастья, всеобщей силы рока, посылающего беды» [Луначарский, 1908, с. 149]. Все существующее должно было либо встроиться в космос, либо исчезнуть: «Если человек не умеет быть счастливым — тем хуже для него. Таков дух космизма» [Луначарский, 1908, с. 151].

Луначарский указывает, что до наших дней космизм уже прошел два этапа в своем развитии. Это *романтический космизм*, где господствует мечтательное воображение, и *классический космизм* с его порядком, жестким руководством и подчинением, где свобода есть торжество высшего закона, а рабство — подчинение страстям. Наука, сориентированная на принципы романтического космизма, позволяла отважные поступки и «безрассудные» подходы, вплоть до очеловечивания богов и обожествления людей. Наука же классического космизма готова взять на себя «полицейские функции, нахлобученные на нее пророками Мамоны» (А. В. Луначарский), поднимая свои законы до уровня Божественных блюстителей порядка в мире.

Особенно актуально (и тревожно) звучат в наши дни отсылки Луначарского (в начале XX века вполне прозаичные) к учению Пифагора. Античный мыслитель был убежден, что раз любое качество выражается через количество, а количество воплощается в числе и форме, то оно и есть основа всего сущего: вещей, нравственных проявлений, духовных процессов. Число — это сосредоточие красоты, мудрости, справедливости, гармонии, совершенства. Одним словом, число — это космос: «Центральная идея Пифагора заключается в признании подлунного мира, всего “неба”, космоса, за вычетом земли, абсолютным порядком. Этот прекрасный, абсолютный порядок служит контрастом беспорядку земли. Задача общества угадать закон высшего порядка и приблизить к нему земную жизнь... Единое, единица есть сердце космоса, центр его, полный живого огня, это наиболее священнейшая его часть, но единое победило весь мир, оно весь его объемлет, оно и центр его и крайняя его периферия... Итак, субстанцией мира являются числа... Зла в мире нет. За пределами мира — ничто, в пределах же мира все одушевлено числами, а всякое число свято... Земная юдоль управляется наихудшими числами, пропорция наиболее невыгодна: оттого здесь все разрушается, все недолговечно, оттого здесь сумятица движений вместо красивой правильной геометрии неба. Душа человека — число, то, что родственно в ней единству — бессмертно» [Луначарский, 1908, с. 210–211]. Число у Пифагора бесконечно и вечно, а потому оно гарантирует бессмертие людям (с учетом возможности их перерождения). Их, в свою очередь, можно подразделить на потребителей, деятелей, созерцателей. Лучшие — это свободные от «круговорота рождения» созерцатели-аристократы.

Между прочим, именно с Пифагора в философии начинает реализовываться сочетание точного знания и теологии. На грани XIX и XX веков крепнут идеи о том, что научные выводы всегда вероятностны, а религиозные же сентенции абсолютны и потому они призваны вселять уверенность (давать надежду) о существовании мира всеобщего блага. Наука — это то, что доступно естественным возможностям человека, а вот для достижения морального идеала необходимо вмешательство сверхъестественного. Религиозные системы, обращенные к абстрактному человеку, космичны, научный же социализм, стремящийся создать условия для реализации интересов и особенностей конкретных людей, антропологичен.

Важно учитывать тот факт, что в революционные периоды мир всегда рушится и перестраивается. Этот болезненный хаос стимулирует моральное возвышение божества, который для многих людей становится воплощением социальной справедливости и стабильности. По мнению Луначарского, космизм проповедует смирение, покорность, созерцательное бездействие, «благоговение перед природой» (Э. Геккель) или «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер).

Анатолий Васильевич полагает, что следование принципам античного (прежде всего, пифагорейского варианта) космизма — это путь малоперспективный, утопичный, несправедливый, авторитарный, не стимулирующий творческую

(трудовую) активность людей. Он нарушает их права, усугубляет неравенство между ними, отказывает каждой личности в обладании уникальными чертами, стоит на страже особых привилегий для избранных (аристократов, лидеров, гениев) вплоть до полного отказа от оценки последствий их деятельности. Космизм своими предельными (хотя и позитивными) идеалами лишает цивилизацию перспектив к развитию и творчеству. А вот антропоцентризм — это то, чем должно руководствоваться человечество, ибо это путь к максимальной реализации его возможностей, строго корректируемый моралью. В мире человеческих ценностей должен царить антропоцентрический, а не космический принцип.

Д. В. Барановский дает следующую характеристику позиции А. В. Луначарского: «Это антропологическое учение модерна, основанное на античном понимании космоса... Космисты — созерцатели, негармоничные люди, а космос для них — живая разумная и согласованная естественная среда. На гармонию нет смысла воздействовать, совершенство не нуждается в изменении — к нему следует стремиться. Значит, космисты онтологически пассивны» [Барановский, 2022, с. 15–16].

Заключение

Современные космисты и те, кого они вполне обоснованно считают своими предшественниками, попытались (и до сих пор пытаются) объединить эти два полюса (антропоцентризм и космизм) в антропокосмизме — всеблагом, человекоориентированном природно-техническом теоретическом построении. Его ядром выступает мораль, но, чтобы ее безупречную позитивность не омрачали нравственные элементы, связанные с «выбором меньшего зла», она в той или иной степени укрепляется религиозными мотивами. Ведь религия — это своеобразный канал связи индивида, обремененного страданиями (неудовлетворенными потребностями, бессилием перед природными и социальными вызовами, страхом смерти) с неким совершенным и всемогущим покровителем.

Антропокосмизм в наши дни не просто помещает человека в центр мировой эволюции (которую нередко трактуют как противоположность революции), но и пытается защитить эту позицию с помощью последних достижений естественных и технических наук. По сути дела, антропокосмизм — это одна из вариаций современной философии техники.

Однако космизм в целом и русский космизм в частности так и продолжают представлять собой ряд содержательно обособленных течений, а попытки их соединения пока остаются неудачными. В космизме все еще существуют обособленные ответвления религиозного, мистического, художественного, эстетического, естественно-научного, футурологического, технического (ракетно-космического) характера. При этом представления о космосе, о человеке, о законах их единого существования у каждого из них как были, так и остаются

различными. Космизм, несмотря на свое бесспорное существование, до сих пор находится в процессе формирования, не став пока ни философским, ни научным течением.

При этом в качестве мировоззрения он утвердился довольно прочно. Более того, в XX веке космизм стал своего рода теоретической опорой (универсальной ссылкой) для многих идеологически нагруженных политических и финансово-экономических процессов, прежде всего глобалистской направленности. Ссылаясь на него, редактируются общечеловеческие ценности, ищутся оптимальные пути нейтрализации экологических катастроф, назначаются способы преодоления кризисных явлений в различных сферах социума, показатели социального прогресса подменяются критериями прогресса технического и даже пропагандируются асоциальные (например, трансгуманистические) проекты.

Таким образом, вопрос о том, что означает термин «космизм», остается до сих пор открытым.

Список источников

1. Барановский Д. В. Формирование философии космизма в России: философский анализ первого упоминания космизма в русском языке // К. Э. Циолковский. История и современность: мат-лы LVII Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. Ч. 2. Калуга: Эйдос, 2022. С. 14–16.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
3. Гальцева Р. А. Вернадский Владимир Иванович // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 624–625.
4. Гиренок Ф. И. Ускользящее бытие. М.: ИФ РАН, 1994. 220 с.
5. Гройс Б. Русский космизм: антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 235 с.
6. Гумбольдт А. Космос. Опыт физического мироописания: в 4 т. СПб.: Искусство, 2017. 2072 с.
7. Замалеев А. Ф. Лекции по истории русской философии. Гл. IV. Философия космизма. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 279–287.
8. Казютинский В. В. Космизм // Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: Радуга, 2003. С. 471–472.
9. Коган Л. А. Русская философия как социокультурный феномен // Вопросы философии. 1988. № 9. С. 103–106.
10. Козловская Н. В. Космизм: в поисках происхождения термина // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 1 (94). С. 57–68.
11. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994. 576 с.
12. Куракина О. Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М.: МФТИ, 1993. 184 с.
13. Луначарский А. В. Религия и социализм: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Шиповник, 1908. 230 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/religiya-i-socializm-t-1/tendencii-ehllinizma/>
14. Луначарский А. В. Религия и социализм: в 2 ч. Ч. 2. СПб.: Шиповник, 1911. 400 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003988709?page=200&rotate=0&theme=white>

15. Неовиус Э. Величайшая задача нашего времени. Гельсингфорс: Тип. газеты Hufvudstatsbladet, 1876. 75 с.
16. Новое в русской лексике: словарные материалы-79 / под ред. Н. З. Котеловой. М.: Русский язык, 1982. 319 с.
17. Огурцов А. П. Русский космизм (Обзор литературы и навигатор по сайтам Интернета). 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://vox-journal.org/content/vox4-11ogurcov.pdf>
18. Павленко А. Н. Европейская космология: основания эпистемологического поворота. М.: Интрада, 1997. 256 с.
19. Римский В. П., Филоненко Л. П. Судьба термина «русский космизм» // Мат-лы XLVII Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. Секция «Исследование научного творчества К. Э. Циолковского». Калуга: Эйдос, 2012. С. 47–51.
20. Русский космизм. Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
21. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988. 608 с.
22. Спенсер Г. Основные начала. М.: Книга по требованию, 2013. 476 с.
23. Хайруллин К. Х. Философия космизма. Казань: Дом печати, 2003. 370 с.

References

1. Baranovsky, D. V. (2022). Formation of the philosophy of cosmism in Russia: a philosophical analysis of the first mention of cosmism in the Russian language. In K. E. Tsiolkovsky. *History and modernity. Materials of LVII Scientific readings in memory of K. E. Tsiolkovsky* (part 2, pp. 14–16). Kaluga: Eidos. (In Russian)
2. Vernadsky, V. I. (1991). *Scientific thought as a planetary phenomenon*. Moscow: Nauka. 271 p. (In Russian).
3. Galtseva, R. A. (1970). Vernadsky Vladimir Ivanovich. *Philosophical Encyclopedia*. (in 5 volumes, vol. 5, pp. 624–625). Moscow. Soviet Encyclopedia. (In Russian).
4. Girenok, F. I. (1994). *Elusive being*. Moscow: IF RAS. 220 p. (In Russian).
5. Groys, B. (2015). *Russian cosmism: anthology*. Moscow: Ad Marginem Press. 235 p. (In Russian).
6. Humboldt, A. (2017). *Cosmos. The experience of physical description of the world* (in 4 volumes). St. Petersburg: Art. (In Russian).
7. Zamaleev, A. F. (1995). *Lectures on the history of Russian philosophy. Chapter IV. Philosophy of Cosmism* (pp. 279–287). St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russian).
8. Kazyutinsky, V. V. (2003). Cosmism. In *Globalistics. Encyclopedia* (editor-in-chief I. I. Mazur, & A. N. Chumakov, pp. 471–472). Moscow. Raduga. (In Russian).
9. Kogan, L. A. (1988). Russian philosophy as a socio-cultural phenomenon. *Questions of philosophy*, 9, 103–106. (In Russian).
10. Kozlovskaya, N. V. (2020). Cosmism: in search of the origin of the term. *Bulletin of Cherepovets State University*, 1 (94), 57–68. (In Russian).
11. *Brief philosophical encyclopedia* (1994). Moscow: Progress. (In Russian).
12. Kurakina, O. D. (1993). *Russian cosmism as a socio-cultural phenomenon*. Moscow: MIPT. 184 p. (In Russian).
13. Lunacharsky, A. V. (1908). *Religion and socialism* (in 2 parts, part 1). St. Petersburg: Rosehip. 400 p. (In Russian). Retrieved from <http://lunacharsky.newgod.su/lib/religiya-i-socializm-t-1/tendencii-ehllinizma/>

14. Lunacharsky, A. V. (1911). *Religion and socialism* (in 2 parts, part 2). St. Petersburg: Rosehip (In Russian). Retrieved from <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003988709?page=200&rotate=0&theme=white>
15. Neovius, E. (1876). *The greatest task of our time*. Helsingfors: Newspaper printing house Hufvudstatsbladet. 75 p. (In Russian).
16. *New in the Russian vocabulary* (1982). *Dictionary materials-79* (edited by N. Z. Kotelova). Moscow: Russian language. 319 p. (In Russian).
17. Ogurtsov, A. P. (2007). *Russian cosmism (Literature review and navigator on Internet sites)*. (In Russian). Retrieved from <http://vox-journal.org/content/vox4-11ogurtcov.pdf>
18. Pavlenko, A. N. (1997). *European cosmology: the foundations of an epistemological turn*. Moscow: Intrada. 256 p. (In Russian).
19. Rimsky, V. P., & Filonenko, L. P. (2012). The fate of the term «Russian cosmism». In *Materials of the XLVII Scientific readings in memory of K. E. Tsiolkovsky* (section «Research of K. E. Tsiolkovsky's scientific creativity», pp. 47–51). Kaluga: Eidos. (In Russian).
20. *Russian cosmism* (1993). Anthology of philosophical thought. Moscow: Pedagogy-Press. 368 p. (In Russian).
21. *Dictionary of foreign words* (1988). Moscow: Russian language. 608 p. (In Russian).
22. Spencer, G. (2013). *Basic beginnings*. Moscow: Book on demand. 476 p. (In Russian).
23. Khairullin, K. H. (2003). *Philosophy of cosmism*. Kazan: House of Printing. 370 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Мапельман Валентина Михайловна — доктор философских наук, профессор, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета, Москва, Россия,

Mapelman Valentina Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Directorate of Educational Programs, Moscow City University, Moscow, Russia,

MapelmanVM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>